
Даурания Торн
Фамильяры Затвора
кн. 2

Даурания Торн

Фамильяры Затвора. кн.2

«Автор»
2026

Торн Д.

Фамильяры Затвора. кн.2 / Д. Торн — «Автор», 2026

Я пережил первый семестр. Дальше — хуже.В академию приходит надзор: яйца из холодной комнаты изымают «в целях безопасности», а из самой комнаты пропадает одно, с трещиной. В академии есть чей-то человек — и он не в академии.Я не отдаю остальные. Беру Ноля, вора и магистра и увожу двести яиц в столицу, к единственному человеку, который знает, где их прятать. Гром и Лира остаются держать дом, и я не знаю, увижу ли их.За нами идут не солдаты. Наёмные, с сетями и глушилками, и каждый выдох Ноля стоит ему крови. По дороге выясняется: знак на скорлупе — не клеймо, а затвор. Такими печатями двадцать лет запирали гнёзда, чтобы звери не размножались. Ноль — единственный, кто может их открыть. Его ищут не как зверя, а как ключ.В столице глава надзора предлагает мне дом, имя и службу. Цена — Ноль и яйца. Я отказываюсь.Теперь у меня склад, набитый яйцами и город.Дорогие читатели, поддержите автора отзывами и донатами. Каждый ваш отклик даёт автору желание двигаться дальше.

© Торн Д., 2026
© Автор, 2026

Фамильяры Затвора. кн.2

Даурания Торн

Фамильяры Затвора. кн.2

Глава 1. Ответ из столицы

Неделя после турнира проходит как неделя после пожара: все ходят, разбирают, считают убытки и делают вид, что так и было задумано.

Мы с Нолём числимся при академии. Формулировка в книге Крейда звучит так: «Хальд, ученик третьего стола. Оставлен до конца обучения. Приставлен к холодной комнате». Последние три слова мне нравятся больше первых двух.

Холодная комната теперь моя работа.

Каждое утро я спускаюсь по лестнице, прохожу котельную, где Захар гремит совком, и открываю дверь. За дверью — коридор, изморозь на камне и двести ниш с яйцами.

Двести восемь, если быть точным. Три Захар пересчитал дважды и признал, что ошибся, а я пересчитал один раз и записал на стене мелом.

— Ты бы ещё надпись сделал, — ворчит Захар. — «Склад. Не входить».

— А что, можно?

— Нельзя. — Он думает. — Но если очень хочется, то мелом можно.

Ноль ходит со мной.

Он вырос так, что в узком коридоре приходится поворачиваться боком. Голова у него теперь на уровне моей груди, а хвост он волочит, как дворянин — шубу.

В холодной комнате он ведёт себя странно. Не играет, не спит, не ворует. Обходит ниши, обнюхивает скорлупу, останавливается у пустого места, где когда-то лежало его яйцо, и стоит там долго.

— Скучает, — говорит Лира, когда я рассказываю ей об этом.

— По чему?

— По своим.

Я смотрю на Ноля, который сидит у стены и смотрит в нишу, и мне нечего сказать.

Магии я учу его на скале, за башней, где ветер и никто не ходит.

Сначала — держать.

Я беру жаровню, ставлю её на камень и велю Нолю сесть напротив. Он садится. Он всегда садится так, будто делает мне одолжение, и это, наверное, правильно: он мне действительно делает одолжение.

— Смотри, — говорю я. — Ты не тянешь. Ты берёшь.

Я кладу руку на жаровню. Угли дышат красным, жар идёт в ладонь, и я показываю, как он идёт: не в руку, а вокруг, по кругу, вдоль того, что у нас в академии называют контуром.

Контур я чувствую плохо. У меня его почти нет: Даль говорит, что у меня он тонкий и короткий, как нитка, которой пришивают пуговицу. Но нитка есть, и я тяну по ней тепло, и оно идёт — неохотно, с запинками, как вода по ржавой трубе.

Ноль смотрит на мою руку.

Потом поднимает голову, и его гребень встаёт.

Он берёт.

Это всегда видно: воздух над жаровней мутнеет, угли бледнеют, и по чешуе у него проходит волна, будто кто-то провёл под кожей ладонью.

— Держи, — говорю я. — Считаю до трёх.

Раз.

Ветер стихает. Я чувствую, как тепло уходит из воздуха — не всё, только то, что было лишним, и от этого становится зябко, будто открыли окно.

Два.

Ноль дрожит. Под чешуёй у него что-то гудит, и в этом гуле есть ритм, и ритм этот ускоряется.

Три.

— Отдай.

Он отдаёт.

Не в камень, не в стену — просто наружу, вперёд, туда, куда смотрит. И воздух перед ним становится белым, сухим, и в этом белом коротко трещит, как трещит лёд на луже, если по нему ударить.

Камень, на который он смотрел, трескается по всей длине.

Ноль садится.

Из пасти у него идёт кровь — тонкой струйкой, как из прокушенной губы.

— Хватит, — говорю я.

Он смотрит на меня.

— Хватит, — повторяю я и сажусь рядом.

Мы сидим на скале. Ветер возвращается, и с ним возвращается холод.

— Больно? — спрашиваю я.

Ноль моргает.

— Врёшь.

Он кладёт голову мне на колено.

Я смотрю на трещину в камне.

В первой книге, если бы кто-то сказал мне, что я буду стоять на скале с зверем, который ест магию, и учить его не есть слишком много, я бы посмеялся. Теперь мне не смешно. Теперь я думаю о том, что каждый его выдох стоит крови, что кровь эта не бесконечная, и что однажды он не сможет отдать то, что взял, — и тогда отдаст сам, куда придётся.

Так уже было с одеялом Грома.

Потом я пробую сам.

Я кладу ладонь на жаровню и тяну.

Не так, как Ноль. Я не умею. Я просто держу руку и жду, и тепло идёт в кожу, и кожа начинает гореть.

— Хватит, — говорю я себе.

Тепло не слушается.

Я дёргаю руку, и на ладони остаётся красная полоса, ровная, как от линейки.

Ноль смотрит на неё.

— Не смотри, — говорю я.

Он смотрит.

— Ладно, — говорю я. — Ещё раз. Только теперь по одному.

Ноль поднимает голову.

— По одному, — повторяю я. — Один — берёшь. Два — держишь. Три — отдаёшь. И если я говорю «стоп», ты не споришь.

Он смотрит на меня долго.

Потом встаёт и садится напротив жаровни.

Другая часть моей новой жизни называется «академия после скандала».

Она изменилась. Не вся — ученики те же, столовая та же, каша та же. Но в воздухе появилось что-то новое, как после драки, когда все уже разошлись, а стекло ещё звенит.

Грив ведёт защиту и говорит громче обычного. Магистр Даль на контуре говорит ещё короче. Смотритель ходит с ключами и ни на кого не смотрит. Вельт держится один, и его больше не боятся — его жалеют, а это хуже.

А Крейд стал приходить в котельную.

Он приходит через день, садится на перевёрнутое ведро и смотрит, как я кормлю Ноля.

— Он у тебя ест больше, чем три ящера, — говорит он.

— Он и больше трёх ящеров.

— Это в счёт академии, ты знаешь.

— Знаю.

Крейд молчит.

— Я отправил копии в столицу, — говорит он на пятый день. — Не через совет. Через человека, которому я должен.

— И?

— И пока ничего. — Он смотрит на Ноля. — Это плохо.

— Почему плохо?

— Потому что, если бы ответ был «принято к рассмотрению», он бы уже пришёл. — Крейд встаёт. — А если ответа нет, значит, они решают, что с нами делать.

Ответ приходит на седьмой день.

Он приходит не письмом. Он приходит человеком.

Утро, двор, туман. Я выхожу из котельной с ведром воды для Ноля и вижу у арки всадника. Лошадь серая, в мыле, всадник в плаще с гербом на груди, и он не слезает, а сидит и оглядывается, как человек, который приехал в место, где не хочет задерживаться.

— Хальд? — говорит он.

— Хальд.

— Вот. — Он достаёт из сумки сложенный лист с печатью. — Совету за надзором. В руки. Магистру Крейду.

— А вам?

— А мне велено дождаться ответа. — Он наконец слезает. — И посмотреть, что тут у вас.

— Посмотреть что?

— Всё, — говорит он. — Так написано.

Двор собирается быстро.

Крейд выходит с непокрытой головой, хотя холодно, и берёт лист, и ломает печать, и читает.

Читает долго. Потом перечитывает.

— Магистр, — говорит всадник. — Мне велено дождаться ответа.

— Ответа не будет, — говорит Крейд.

— Как это?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.